

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 52 (3236)

Суббота, 1 мая 1954 г.

Цена 40 коп.

ПЕРВОМАЙ 1954 ГОДА

В ЭТИ ДНИ

Весенний праздник, праздник трудолюбия, международной солидарности всегда встречался с особым чувством, всегда в нем нечто новое...

будет ощущение теплоты и сердечности, которые царят в зале. Замечательно то, что поэты читали стихи на украинском языке, и не было необходимости переводить их стихи...

Труд во имя счастья людей

О дремлющих возможностях своих знает гнилая земля Казахской степи, когда поднимает весною густые пологи разнотравья и неслыханных диких цветов...

нашей молодежи умелые руки, удаляет знать гнилая земля Казахской степи, когда поднимает весною густые пологи разнотравья и неслыханных диких цветов...

Рис. худ. Л. Смехова

Песня о братстве

У каждого праздника свои песни. Есть они и у Первомая. На московских улицах звучит в этот день традиционный припев: Кипучая, могучая, Никем не победимая...

слово о хорошем человеке, песни о хороших людях. Чтобы сказать такое слово, надо знать и любить своего героя с той же страстью, с какой художник-гражданин ненавидит все гнилое, дряхлое, своекорыстное...

Весеннее чувство

Дважды в этом году мне довелось лететь навстречу весне. Под новый год мы оказались в Киеве, а затем в Харькове, — там была настоящая весна. Украинский народ начинал празднование трехсотлетия воссоединения Украины с Россией...

сая Мингаучурская ГЭС. От плотины, выгнутой, как лук, далеко-далеко раскинулось море. А в прошлом году мы стояли на этом же холме и видели, как здесь пахали землю...

Торжество нерушимой дружбы

Сейчас у нас радостные дни — республика торжественно отмечает 300-летие воссоединения Украины с Россией, с особым подъемом встречает Первомай. Сияет празднично украшенный Киев на каждой улице...

ливым вниманием и братским отношением москвичей к нашей украинской литературе. Наши встречи в столице, статьи об украинской литературе в газетах и журналах союзных республик — это еще одно проявление нерушимой дружбы советских народов...

Светло и радостно на душе

Весна в этом году запоздала. Хмурилось небо над Москвой, нет-нет сыпался снежок или мелкий дождик. Дул холодный апрельский ветер.

ды. При неустанной поддержке и помощи нашей славной Москвы огромных успехов добилась Советская Киргизия: выстроены новые школы, клубы, дома отдыха — не перечислить всего.

Весна трудового подъема

Снег сошел рано и как-то незаметно, но апрельское солнце не согрело, как обычно, землю, и до сих пор не зеленели березовые рощи, не распустились сады.

терес людей к опыту передовиков. Вот почему накануне нынешней весны, да и сейчас, в предразличные дни, все больше официальных экскурсий и неофициальных визитов совершается в лучшие колхозы республики — «Расвет», «Коммунар», имени Гастелло, имени Первого мая, в совхоз «Ведрич».

1. ИНИЦИАТИВА — У СИЛ МИРА

Важнейшей особенностью Женевского совещания на нынешнем его этапе, как это признается многочисленными обозревателями, является то, что инициатива...

2. ЯСНЫЙ АНАЛИЗ — ЯСНАЯ ЦЕЛЬ

В центре последних событий стоит речь главы советской делегации в Женеве В. М. Молотова. Даже обозреватели...

3. СРОЧНАЯ ПОШИВКА «НЕЗАВИСИМОСТИ»

В течение двух последних дней, как сообщает западная печать, руководители французской политики метались на живую нитку...

4. СЛОВА, СЛОВА...

А ДАЛЬШЕ ЧТО?

Н. ГРИБАЧЕВ

специальный корреспондент «Литературной газеты» ЖЕНЕВА, 30 апреля. (По телеграфу)

ДМИТРИЙ ГУЛИА, народный поэт Абхазии

И давно подметил одну особенность человеческого характера: всегда приятно поговорить о весне. Думать о весне, о весенних делах весной — это естественно.

Человек труда привык связывать с приходом весны свои мысли и чаяния, притом самые светлые мысли и лучшие чаяния. Душа земледельца наполняется надеждой на урожай.

И помню одну далекую весну. Это было в 1892 году. Сидя на камне во дворе Сухумской горской школы, я писал на листочках бумаги абхазские слова.

У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том...

Теперь, когда абхазская литература — литература маленького народа — существует и развивается, я еще больше верю в весенние мечтания.

Наша советская литература — многонациональна. Огромная река с многочисленными притоками. Очень важно для главного течения, чтобы все притоки были полноводными.

И мне в виду «склянку», которую мы иногда разрешаем себе в своем творчестве. А ведь каждый из нас понимает, что наша советская литература состоит из больших и малых литератур.

Только о форме не надо говорить вполголоса. Это очень важно. И очень это обидно, что когда дело доходит до языка произведения, до образов, строя фразы, метафор и эпитетов (эти слова, кажется, очень мало употребляются нашими критиками).

Тучу передрнуло синим пламенем. Медленно заремел гром. Он то усиливался, то почти затихал. И дождь, как бы подчиняясь грому, начинал временами итти сильнее и широко шуметь по листьям, потом останавливался.

По ту сторону радуги

Тучу передрнуло синим пламенем. Медленно заремел гром. Он то усиливался, то почти затихал.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

«Надо проверить сердце», — говорил он себе. — Иначе я никогда ничего не сделаю. Иначе я начисто разучусь писать».

Решение пришло в этот сырой и серый день. Приближалась осень. Никаких явных признаков еще не было видно, даже ни одного пожелтевшего листа на деревьях.

«Что же все-таки там?» — спрашивал себя Сергеев.

Он был уверен, что по ту сторону этих небесных ворот он увидит необыкновенные вещи. И он, не колеблясь, решил взять рюкзаки и уйти на несколько дней в те земли, что лежали за радугой.

Вышел Сергеев из Вороницы ближе к сумеркам. Сначала он горючил, чтобы до темноты отойти подальше от деревни. Затем он решил в стогах. Хотя заросшая просека дорога шла лесом, но когда на полянах стояли поднятые над землей на подпорках маленькие стога.

Чем дальше шел Сергеев, тем лес делался гуще. В глубокой пещерной яме сидел маленький озер. Цепляясь за ветки деревьев, Сергеев спустился к нему и наполнил воды. Она была такая холодная, что у него заняли зубы.

Сергеев удивился, что не заметил мессы раньше, поднял голову и увидел его на головокружильной высоте над собой. Мессы казался ключком дыма и проблескивал слабым розовым светом.

Этот тусклый свет был разлит вокруг и окраивал воздух. Должно быть, за пещерой туч заходила солнце и создавало это уромное и странное освещение.

После недавнего дождя лес был полон осторожного пороха камня, стетавших и листья. В чистых дуплах стоял под водой густая трава, и среди травинки тоже отражался мессы.

Быстро темнело. Сергеев прошел несколько полей, но стога на них не было. Вдалеке возниж дрожащий свет.

Однако некоторые газеты, явно подчиняясь сигналу, пытаются замолчать выступление главы советской делегации.

Указание на ущерб от обстоятельств, как Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан и ряд других, не присутствуют на совещании, показывает, что Советский Союз под дружески озабочен тем, чтобы эти государства заняли свое место при решении важнейших современных международных проблем.

Глава советской делегации, указав на важнейшие события истории Кореи, разработал дождь о «принципах свободы» американского правительства, осуществление провакую интервенцию в Корею.

В. М. Молотов высмеивает тех, кто всюду готов искать «прояски коммунизма», «каменит Брежнев». Выражая чувства всех советских людей, он говорит о том, что «мы не скрываем своих симпатий и горячего сочувствия национально-освободительному движению народов, и в том числе народов Азии».

Если учесть, что это чувство разделяется всем восьмисотмиллионным лагерем мира и, кроме того, миллионами и десятками миллионов людей в других странах, то станет очевидным: все попытки игнорировать его или наклеить на него бражные этикетки, как это делают некоторые государственные деятели, ни к чему хорошему не приведут для тех, кто этим по скудоумию этого вопроса, а также того, как неумоимо в наше время в погоне за «стратегическими позициями» и «экономическими ресурсами» не видеть чашей и интересов стран и народов, безусловно принесет пользу и руководителям американской политики и, в первую очередь, делу мира.

В заключение В. М. Молотов сказал, что предложения Нам Ира могут послужить основой для принятия соответствующего решения по Кореюскому вопросу. Очевидно, что Женевскому совещанию придется учесть в практической работе точные и ясные предложения министра иностранных дел Кореюской Народно-Демократической Республики.

Таким образом, инициатива сил мира и демократии открыла путь к решению Кореюского вопроса. Проявил ли американская делегация желание итти по этому пути?

Было бы, разумеется, странным предполагать, что противники урегулирования этих проблем бездействуют. Однако «меры, которые они предпринимают, сильно напоминают игру с передегириванием карт».

На совещании выступил австралийский представитель Кэзи. Он согласился с тем, что предложения Нам Ира заслуживают тщательного изучения. Затем Кэзи вылез за непосильную задачу — доказать необходимость присутствия американских войск в Корею. Китайцы, сказал Кэзи, могут выступить добровольцами из Корею, потому что им близко до дома, а «войскам ООН», то есть американским, до дома чересчур далеко — несколько тысяч километров. При этом Кэзи заявил, что никто не собирается навязывать другим своего образа правления, глядя на растерявшегося Сергеева.

«Да это она с могилы Пушкина вас путает поварончу», — предупредил выхристый.

«А я так иногда мечтаю, что за могилу, — возразила женщина».

«Ну и мечтай, раз тебе нравится, — сердито ответил выхристый. От него тянуло бензином. Но все ввидимости, это был тракторист. — А ежели говорить по-серьезному, как на собрании, — сказал он уже одному Сергееву, — то орден она получила за то, что больше ее никто льна не перетепал по всей нашей области. У Глаша лен, как золотой шелк. Перебираешь его пальцами, а он поет».

«Слово знает, — сказала мальчишка постарше».

«Я те покажу слово! — прыкнул тракторист. — Наслухался у бабок явных предрасудков и вылезает».

Женщина молчала и, улыбаясь, смотрела на огонь. Из-под платка выбилась прядь ее русых волнистых волос.

«А что же было с пушкинской могилы? — тихо спросил Сергеев».

Женщина очунулась и подняла на Сергеева темные глаза.

«Я в ту пору при немцах, — ответила она очень тихо. — В Святыях Горах жила. Пряталась. У нас в деревне, в Зимарях, так уж с давних времен заведено, что все от самого малого до старика Александром Сергеевичем очень гордятся. Да и как не гордиться? Все-таки свой Земляк».

«Земляк! — согласился тракторист. — Я его много читала. Не все, правда, была в понимании. Не все! Но как там титые, — понимаете или не понимаете, — а сердце все равно так забьется, так больно забьется, что прижмешь руки к груди, чтобы его унять. Да разве удержишь! Ты вот ходишь тут со своим телеграфным инструментом, а не ведешь, где ходишь. Я много у Александра Сергеевича обожаю, а больше всего про наши места, про глупые лесов соновных. Как услышу или прочту, так прямо плачу».

«Где я страдаю, где я люблю, где сердце я похоронил», — неожиданно сказал тракторист.

«Не надо, Тина, — тихо попросила женщина. — Мне этого слушать нельзя. Она замолчала».

«Так что же было с могилы Пушкина? — снова спросил Сергеев».

«Были цветы, — ответила женщина. — И всякая трава. И ветки. Да не в она их клала. Еще Клавя со мной ходила. Нарвем в лесу цветов, переберем ташком мимо немцев на его могилу и положим. Старалась, чтобы никогда не увидела друзей, глядя на растерявшегося Сергеева. От улыбки лицо ее стало совсем мохматым и задорным».

ты. Я тогда так думала — вот все увидя на свете, даже любовь...

«Да это она с могилы Пушкина вас путает поварончу», — предупредил выхристый.

«А я так иногда мечтаю, что за могилу, — возразила женщина».

«Ну и мечтай, раз тебе нравится, — сердито ответил выхристый. От него тянуло бензином. Но все ввидимости, это был тракторист. — А ежели говорить по-серьезному, как на собрании, — сказал он уже одному Сергееву, — то орден она получила за то, что больше ее никто льна не перетепал по всей нашей области. У Глаша лен, как золотой шелк. Перебираешь его пальцами, а он поет».

«Слово знает, — сказала мальчишка постарше».

«Я те покажу слово! — прыкнул тракторист. — Наслухался у бабок явных предрасудков и вылезает».

Женщина молчала и, улыбаясь, смотрела на огонь. Из-под платка выбилась прядь ее русых волнистых волос.

«А что же было с пушкинской могилы? — тихо спросил Сергеев».

Женщина очунулась и подняла на Сергеева темные глаза.

«Я в ту пору при немцах, — ответила она очень тихо. — В Святыях Горах жила. Пряталась. У нас в деревне, в Зимарях, так уж с давних времен заведено, что все от самого малого до старика Александром Сергеевичем очень гордятся. Да и как не гордиться? Все-таки свой Земляк».

«Земляк! — согласился тракторист. — Я его много читала. Не все, правда, была в понимании. Не все! Но как там титые, — понимаете или не понимаете, — а сердце все равно так забьется, так больно забьется, что прижмешь руки к груди, чтобы его унять. Да разве удержишь! Ты вот ходишь тут со своим телеграфным инструментом, а не ведешь, где ходишь. Я много у Александра Сергеевича обожаю, а больше всего про наши места, про глупые лесов соновных. Как услышу или прочту, так прямо плачу».

«Где я страдаю, где я люблю, где сердце я похоронил», — неожиданно сказал тракторист.

«Не надо, Тина, — тихо попросила женщина. — Мне этого слушать нельзя. Она замолчала».

«Так что же было с могилы Пушкина? — снова спросил Сергеев».

«Были цветы, — ответила женщина. — И всякая трава. И ветки. Да не в она их клала. Еще Клавя со мной ходила. Нарвем в лесу цветов, переберем ташком мимо немцев на его могилу и положим. Старалась, чтобы никогда не увидела друзей, глядя на растерявшегося Сергеева. От улыбки лицо ее стало совсем мохматым и задорным».

пагантский манер, практическая пена ему такова же, как и наспех сметанной «независимости»... — грош!

«Вот по дом она плакала ночью, — подумал Сергеев. — Кто он? Спросить или нет?»

«Я поколебался, но все-таки спросил, чья это картошка. Глаша вышла из-за перегородки умытая, причисленная на две копейки, посмотрела на Сергеева строгими темными глазами и спросила: — Вы-то сами книги пишете? Или нет? — Пипну, — сознался Сергеев. Он был захвачен врасплох».

«Я догадалась, — сказала Глаша. — В Михайловское, говорят, писатели приезжают».

«Она помолчала, глядя за окно, сняла со стены карточку моряка и спрятала ее в ящике лощатого стола».

«Вот теперь, — сказала она, — никто и спрашивать про него не станет».

«Она застенчиво улынулась, и Сергеев подумал, что никогда еще в жизни он не видел такой открытой улыбки, сияющей красотой. Это было в ней, в этой улыбке? Или что могло быть краше русской женщины, певучих ее слов, доверчивых глаз, трепещущей и мягкой ее души?»

Глаша собрала чай, но Сергеев отказался от него и ушел. Он пошел не туда, куда знала его радуга, а обратно, в Вороницы. Он шел быстро, спешил. Внезапно пришло ощущение счастья. Почему — он не знал.

«Сразу, лавиной обрушилось на него всё — пока еще беспорядочное, но удивительные и радостные мысли, дым облаков, блеск мокрых листьев, лесная тишина, легкое сожаление, что он так внезапно ушел, и глубокая радость от сознания, что через час-два, как только дойдет до дому, он тотчас начнет писать. И никакая сила уже не сможет остановить тот душевный поток, что сейчас невозвратно несет его, как бурный поток несет сломанные ветки, листья и пену».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

«Ничего, как будто, не случилось по ту сторону радуги», — думал Сергеев. Но вместе с тем случилось так много, что трудно было все это обнять сознанием. Но главное, что случилось, — это прикосновение к простой душе человеческой».

«Глаша сидела у стола, вытянув перед собой руки, задумавшись. Вот пришел мужской человек, незнакомый, и ушел, но осталось после него ощущение. А она знала, что ожидать — это тоже предчувствие счастья».

На злобу дня

У карты Франции стоит гитлеровец. Самодовольно ухмыляется, он заклеивает всю французскую территорию на карте огромным ярлыком с надписью «Великая Германия». Зачеркнуто даже само название «Франция». Немецкий художник Вилке показывает таким образом стремление германских ревизионистов использовать создание пресловутого «европейского оборонительного сообщества» для установления своего господства в Европе.

«Фюреру это не удалось. Быть может, нам это удастся с помощью европейского оборонительного сообщества», — гласит подпись под рисунком. — Вяд ли!

Под этой кривой роста безработицы в США американский журнал «Ньюсуик» сообщил, что только за один месяц — с середины декабря 1953 года до середины января 1954 года — число безработных в американской промышленности увеличилось на 2 миллиона человек. Это преувеличенная цифра.

Жирный вопросительный знак, поставленный журналом на кривой безработицы, — весьма выразительное признание той неуверенности и страха перед будущим, какими охвачены ныне капиталисты с к и е круга Соединенных Штатов.

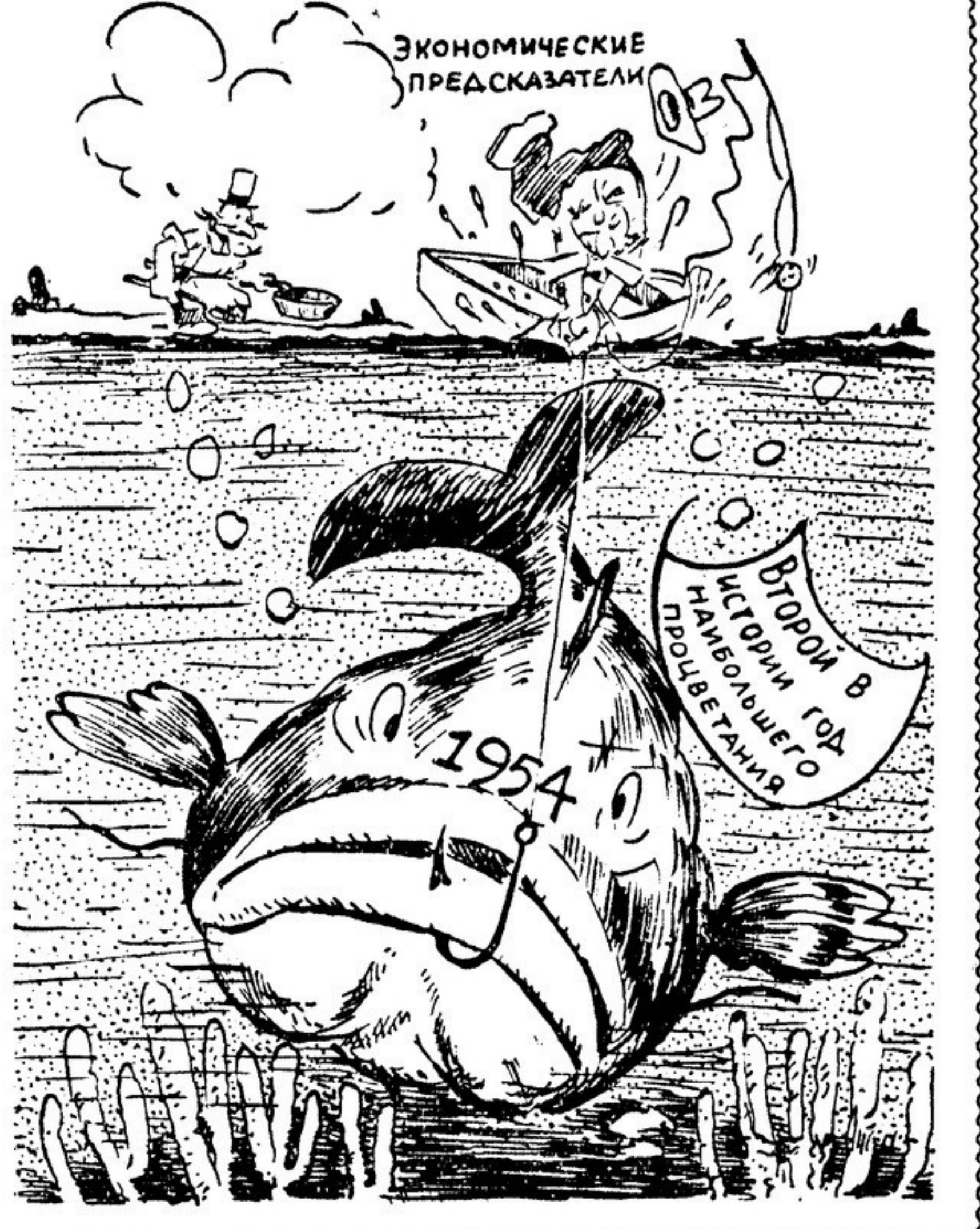

В то время как французские солдаты гибнут на войне в Индо-Китае, американские капиталисты получают прибыль за поставку вооружения колонизаторам. Подпись на верхнем снимке гласит: Французам во Вьетнаме: «Воды». На нижнем — Бизнесмены в США: «Шампанского!».

Рисунки художника Петра Дитриха

Несмотря на неуклонно продолжающееся обострение кризисных явлений в экономике США, многие американские экономисты пророчили в конце прошлого года, что 1954 год будет «вторым в истории годом наибольшего процветания». Но этих экономических «пророческих высказываний» в одном из своих рисунков даже такая буржуазная американская газета, как «Нью-Йорк геральд трибюн». Изображенный на этом рисунке рыбовод («Экономические пророческие высказывания») восклицает: «Пожоже на то, что мы все же поделились крупной рыбой, а поджидавший на берегу для «Сэм (США)» в надежде на жирный улов, уже протягивает скорую. Но крупная рыба с цифрой «1954» на голове («Второй в истории год наибольшего процветания») не поддается: она сама тащит на дно зловещую «пророческую уху!».

Рисунком из газеты «Нью-Йорк геральд трибюн»

На линии огня американские солдаты. Нетрудно догадаться, куда направлены их орудия: это Корея и Индо-Китай.

Но что происходит в тылу этих войн? Ширится национально-освободительное движение народов в колониальных и зависимых странах Азии, Африки и Америки. На горизонте вспыхивают взрывы. Непокорно в Британской Гвиане и Кении, в Египте и Судане, в Сирии и Пуэрто-Рико...

— Джимми, что там все время трюхит в «свободном мире»? — спрашивает один солдат другого.

— Ты дурак, Сэм, это же политика «с позиции силы»!

* «Свободным миром» американская пропаганда демагогически называет капиталистические страны.

Рисунком худ. Эрнста Ядзевского из журнала «Фришер виа»

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ МИРА

Первомайская анкета «Литературной газеты»

Праздник Первого мая выражает стремление всех миролюбивых людей к счастью. В этот день трудящиеся всего мира более чем когда-либо чувствуют себя единой семьей. Так же, как один брат думает о другом брате, так и один народ думает о другом народе.

Мы в Германской Демократической Республике думаем о пролетариате в Западной Германии, где силы реакции воздвигают один барьер за другим, стремясь помешать мирному будущему немецкого народа. Все честные немцы мечтают о единой демократической Германии. Но мы знаем, мечта не превратится в действительность сама собой, ее осуществление не наступит, как наступил весенний день. Нужно вести тяжелую борьбу, упорно и настойчиво. Но мы знаем также, что мы не одиноки. Мощные силы поддерживают нас во всем мире. Эти силы — великий Советский Союз и демократические страны, где правительства выполняют волю своих народов. Нам помогают миролюбивые слои в капиталистических государствах.

В канун Первомайского праздника редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду общественных деятелей разных стран мира с просьбой ответить на следующие два вопроса:

1. Чего ждут простые люди вашей страны от Женевского совещания?

2. Каковы, по вашему мнению, перспективы борьбы за коллективную безопасность в Европе?

Сегодня мы публикуем полученные редакцией ответы.

Катарина Сусанна ПРИЧАРД, австралийская писательница ПЕРТ, 30 апреля. (По телеграфу)

Женева стала центром великих надежд с того самого дня, как Советский Союз предложил созвать совещание пяти держав и это предложение было принято. Простые люди в Англии, Франции и многих других странах ждут от Женевского совещания разрешения спорных вопросов, возобновления тесных культурных связей и торговли между Востоком и Западом. Прежде всего они требуют прекращения огня в Индо-Китае.

Но сознательное стремление Даллеса помешать переговорам несколько затуманивает эти светлые надежды. Между тем не удача совещания или срыв мирных усилий вызвали бы горькое разочарование многих. Речь Г. М. Маленкова на заседании Верховного Совета СССР, несомненно, окажет благотворное влияние и встретит одобрение широчайших слоев народа.

Простые люди нашей страны и всего мира все более решительно отвергают войну как средство разрешения споров. Они проявляют свое стремление к миру в самых различных формах — это и отказ жителей Ковентри и других английских городов от участия в отрядах гражданской обороны, и рост сопротивления политике перевооружения Германии и расширения войны в Индо-Китае. Перспектива войны с Китаем глубоко ненавистна британскому народу. Бивен — один из видных членов лейбористской партии — правильно выразил в данном случае чувства простых людей, и его разогласила с Этти по вопросам внешней политики весьма показательны. Внесенное им предложение осудить политику реиндустриализации Западной Германии получило подавляющее большинство голосов на конференции кооперативной партии в Блэкпуле.

Франция возлагает надежды на испытанную мудрость В. М. Молотова и Чжоу Энь-лая, полагая, что они сумеют прояснить ситуацию, поставить все проблемы на их действительную основу, определить ответственность каждого и добиться торжества справедливости, прав народов на национальную независимость и мир.

Жители Франции чрезвычайно благоприятно отнеслись к советским предложениям о коллективной безопасности от 10 февраля и 31 марта. При этом нужно отметить, что народ Франции сегодня охвачен борьбой против «европейского оборонительного сообщества». Для нас обе эти проблемы связаны неразрывно. Это подчеркнул в своем выступлении на заседании Национального совета мира 6 марта Д'Астье де ля Вижери, сказав, что отклонение проекта европейского оборонительного сообщества позволило бы прийти к соглашению, гарантирующему подлинную коллективную безопасность и уважение всеми сторонами независимости и национального суверенитета каждой страны.

Когда проект «европейского оборонительного сообщества» будет отклонен, придется вести еще более активную борьбу за ослабление наших соотечественников с принципами коллективной безопасности, предложенными Советским Союзом. В ходе этой борьбы нам предстоит опровергнуть два главных аргумента, выдвигаемые анти-советской пропагандой: о том, что Советский Союз якобы стремится к гегемонии в Европе, и о том, что в Корею и Индо-Китае имели место «коммунистические агрессии», якобы инспирированные Советским Союзом. С другой стороны, мы должны будем показать, где в действительности находится сила, стремящаяся к мировой господству, и где следует искать истинных виновников агрессии.

Миролюбивый французский народ в своем большинстве, несомненно, присоединится к советским предложениям, так как он найдет в них гарантии его собственной безопасности и национальной независимости, так же как и основы для обеспечения прочного мира во всем мире.

Дружеское рукопожатие

Прямо передо мной в небе яркая звезда. Кажется, что это раскрасил свои лепестки мороз, алый пестик моей родины.

Но вот девятый и правее вспыхивают такие же цветы, и сердце сильнее бьется в груди — это звезды Брема.

А внизу — Москва, праздничная, первомайская столица мира в приветливых огнях иллюминации.

И я вспоминаю другой Первомай. Первомай в моем родном Пхеньяне, тысячи девятсот падает первый год.

Сгущался сумрак близкой ночи. С группой друзей я поднимался по бетонированной дорожке на гору Моранбон. На повороте мы остановились. Внизу лежал Пхеньян, пригитхий военный Пхеньян, укрывшийся под землей, зарывшийся в сошки.

А в воздухе нарастал зловещий гул. Это американские ночные бомбардировщики кружили над городом. Время от времени они швыряли бомбы и столбы огня вздымались к небу. Враги не хотели, чтобы мы праздновали Май. Они стремились превратить праздничную ночь в ночь траура и горя.

Наперекор врагу в подземные театры Пхеньяна, в убежища сходились люди, празднично одетые, с красными цветами на груди. Они шли туда, чтобы отразить в Первомай, день международной солидарности.

Мы тоже спустились в огромный театр, возникший в дни войны под Моранбонем. В зале были герои фронта и тыла, зрелые мужественные воины и хрупкие девушки, которые заменили их у станков на фабриках и заводах. Торжественно звучала первомайская песня в переполненном зале, и люди говорили о грядущем Мае, о светлом празднике победы, который обязательно придет.

Многие из корейских писателей и поэтов в тот Первомай находились на передовых участках фронта. Они встречали праздник под пролет пушек и взг мин. Свои стихи и поэмы, рассказы и очерки патриоты писали на холодной броне танков или в окопах.

Суровыми были и первомайские дни

1952—1953 гг. Но, несмотря на бомбежки, корейский народ встречал этот праздник цветами и песнями, глубокой верой в победу своего дела.

И вот наступил сегодняшний Май, первый на древней земле моей родины послевоенный мирный весенний праздник.

Мне выпало счастье встретить его в Умвеле, великом городе, который я увидел впервые, но который знаком и близок своими величественными, неповторимыми приметами. В голубое небо устремились чудесные белокаменные высотные здания, а зубчатые стены Кремля возбрани в себя влиения восьми веков.

Радостно встречать Первомай, зная, что и там, в Пхеньяне, мои соотечественники после тяжелых дней военной невзгоды идут по мирным улицам и над ними раскинулось спокойное небо. Среди моих земляков, в одних колоннах с ними, — советские люди, в том числе мальчики, которые встречают праздник далеко от родины. Они прибыли в Северную Корею, чтобы помочь моему народу поднять страну, города и заводы из пепла и руин. С радостью приветствуем мы их, от всего сердца поздравляем с великим праздником.

Мы приветствуем в этот день и тех советских людей, которые на совещании министров иностранных дел в Женеве отстаивают право корейского народа на решение своей судьбы, на восстановление единства родной страны. С благодарностью принял корейский народ заявление главы советской делегации на совещании в Женеве В. М. Молотова. Все честные люди земного шара еще раз смогли убедиться, что у советской внешней политики нет никаких целей, кроме упрочения всеобщего мира. Народы Советского Союза, Китая, всех стран демократического лагеря, все честные люди мира танцуют к нам с братскими рукопожатиями. И мы говорим нашим друзьям:

— Спасибо за поддержку. Корея будет единой, свободной, независимой!

Чего ждут мои соотечественники от Женевского совещания? Людей в нашей стране много, но их голоса услышать не так то легко и просто. Да и какие наши газеты дают им возможность быть услышанными? Препятствие, день за днем, народу твердят, что Женевское совещание — это ловушка, обмен, обман, обман русской солифистки, что нечего надеяться на эту конференцию и нечего тут жать. Несколько тысяч человек, являющихся читателями прогрессивной прессы, придерживаются иного мнения на этот счет, но вы спрашиваете не о тысячах, а о миллионах! Миллионы же слышат только один чудовищный нескончаемый хор войны и смерти, смерти и войны.

Надо признать, что многие люди доведены до отупления: все ходы и выходы закрыты, неопишимо прожальная американская печать слит лишь одно будущее — холодную войну, лишь одну надежду — надежду на смерть. В каждом американском доме, я убежден, мечтают, чтобы это безумие, охватившее Америку, поскорее окончилось, и люди молчат, уходя на Женевское совещание. Жаль только, что молчат они про себя, а не вслух, хотя в искренности их чувств не приходится сомневаться. На многие наш народ не возлагает надежд — слишком часто его надежды подвергались уничтожению на накопавшие даллессовского зловраства и человекоуничижительности. Но желает все-таки народ немалого: мира и возможности жить и трудиться для себя и для своих детей.

Вы спрашиваете также мое мнение относительно перспектив установления взаимной безопасности в Европе? А разве это не зависит в значительной степени от нас самих? В Европе развернулось широчайшее движение за мир и независимость народов; но если в эту борьбу не включатся миллионы американцев, тоже жаждущих мира, то будущее не предвещает ничего хорошего. Удается ли организовать в Соединенных Штатах такое движение? Налицо известный интерес, какое-то начало сделано, заметна надежда, слышен призыв, время от времени стена лжи и ужасов дает трещину. Ближайшие несколько месяцев покажут многое.

Говард ФАСТ, американский писатель НЬЮ-ЙОРК, 30 апреля. (По телеграфу)

Хьюлетт ДЖОНСОН, настоятель Центрального собора ЛОНДОН, 30 апреля. (По телеграфу)

Генерал ПЕТИ, член Совета республиканцев ПАРИЖ, 30 апреля. (По телеграфу)

Эксперименты с водородной бомбой, проведенные американцами в Тихом океане незадолго до Женевского совещания, с ужасающей ясностью показали, что поставлено на карту для человечества в эти дни. Эти эксперименты, проводившиеся до сих пор во все увеличивающихся масштабах и служившие усилению холодной войны, достигли теперь своей роковой границы. Сейчас они угрожают самому существованию человечества. Немецкий народ, так же, как и японский, подвергается особой угрозе со стороны атомного оружия. Ведь в Западной Германии, по настоянию западных держав и с согласия боннского правительства, непрерывно доставляется все новое атомное оружие. Нам говорит, что это делается в целях безопасности. Но каждый понимает, что это продолжение той политики, которую называют «политикой с позиции силы» и которая означает для Германии развязывание братоубийственной войны и гибель.

Перед лицом опасности войны простые люди Германии ожидают от Женевского совещания общего ослабления напряженности. Это станет возможным лишь при условии, если прекратятся угрозы по адресу великого Китая, а его правомочные представители будут всюду занимать принадлежавшее им по праву место за столом переговоров. Далее нетерпимо положение, когда агрессивные силы стоят на пути мирного урегулирования корейского конфликта.

В освобожденных районах Вьетнама крестьяне проводят земельную реформу, надеются на мир. Это не имя ее. Крестьянка Ти Ан, жена фронтовика, вбивает в землю колышек со шитком, на котором написано ее имя. Это поле теперь принадлежит ей и ее детям.

Средоточены и серьезные лица ее одноклассники — здесь не просто устанавливается шиток на поле, здесь запечатлена новая страница истории страны.

Снимок из немецкого журнала «Фей берлинер иллюстриertes».

Генерал ПЕТИ, член Совета республиканцев ПАРИЖ, 30 апреля. (По телеграфу)

В дни открытия Женевского совещания честные люди Франции знают, чего они хотят, но они знают также, чего они могут ожидать от начавшихся переговоров.

Их стремления вытекают из их приверженности к всеобщему и прочному миру, а также из их приверженности к Французскому союзу в том виде, в каком он им представляется целесообразным. Они хотят, чтобы Французский союз объединил народы, пользующиеся независимостью и национальным суверенитетом, спланированные абсолютным равенством прав, культурными связями, общим идеалом мира, справедливости, братства, взаимопонимания.

Что касается Вьетнама, то они хотят, чтобы французское правительство вновь вернулось к добросовестному осуществлению соглашения от 6 марта 1946 года, подписанного представителями Франции и президентом Хо Ши Мином.

Такова их цель, но они отдают себе отчет в том, что в Женеве достигнуть ее нелегко. Они понимают, что атмосфера отравлена и вести переговоры очень трудно. Однако честные французы твердо рассуждают.

Иозеф ВИРТ, бывший рейхскандлер ДЮССЕЛЬДОРФ, Западной Германии, 30 апреля. (По телеграфу)

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.